Партия Левых Социалистов-Революционеров.
(Интернационалистов).

В борьбе обретешь ты право свое!

ПИСЬМО
М. СПИРИДОНОВОЙ
ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ
ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ.

ЦЕНА 65 КОП.

МОСКВА.
Издательство „Революционный Социализм".
1919.

Открытое письмо М. Спиридоновой Центральному Комитету партии большевиков.

Я пришла к вам 6 июля для того, чтобы был у вас кто-нибудь из членов Ц. К. нашей партии, на ком вы могли бы сорвать злобу и кем могли бы компенсировать Германию (об этом я писала вам в письме от того же числа, переданном Аванесову в Большом театре).

Это были мои личные соображения, о которых я считала себя в праве говорить своему Ц. К., предложив взять представительство на себя.

Я полагала, что мне удастся более, чем другим, загородить свою партию и тех «малых сих»—крестьян, рабочих, матросов и солдат, которые шли за ней.

Я была уверена, что, сгоряча расправившись со мною, вы испытали бы потом неприятные минуты, так как, что ни-говори, а этот ваш акт был бы чудовищным и вы, быть может, потом скорее опомнились и приобрели-бы необходимое в то время хладнокровие.

Случайность ли, ваша ли воля или еще что, но вышло все не так, как я предлагала вам, в письме от 6-го июля. Пролилась невинная кровь Емельянова, Александровича и других, совсем уже «малых сих». (Емельянов до такой степени не участвовал ни в чем и ничего не знал, что был арестован Поповцами, как член чрезвычайки и отведен в их штаб. Александрович в этот только день по Блюмкину догадался, что затевается акт против Мирбаха и события завертели его раньше, чем он успел опомниться Мы от него скрывали весь Мирбаховский акт, а другого ведь ничего и не готовилось. Он выполнял некоторые наши поручения, как партийный солдат, не зная их конспиративной сущности. (О других расстрелянных и подавно нечего говорить). После этого, смысл моего добровольного прихода к вам в моих глазах свелся почти к нулю. Все же сооблазняло использовать суд, как кафедру. Вы до того безчестно клеветали на нас, до того вам хотелось обвинить нас в том, чего не было, до того неслыханно вопиюща и небывало подла и гнусна была ваша травля нашей партии, при полном удушении нашей печати, что нужно было, хотя бы и очень тяжелой ценой, ценой компромисса—участия в вашей лжи (признанием вашего суда), приобрести эту возможность гласной борьбы с вами.

Никогда еще, в самом разложившемся парламенте, в продажной бульварной прессе и прочих махровых учреждениях буржуазного строя, не доходила травля противника до такой непринужденности, до какой дошла ваша травля, исходящая от социалистов-интернационалистов, по отношению к вашим близким товарищам и собратникам, которые погрешили против лояльности к германскому империализму, а не к вам, и во всяком случае не погрешили в отношении революции и Интернационала.

После моего заявления Шейнкману и заявления Ц К. о нашем стремлении изгнать все (не только германские) тайные штабы мировой контр-революции из сердца и очага международной социалистической революции Советской России, после этого в Архангельских краях, каким то генералом, были разстреляны наши Левые Социалисты-Революционеры, а в Украине из-за Мирбаха и Эйхгорна стали специально отыскивать Левых Социалистов-Революционеров и после пыток—убивать. И в то время

Krancev Irun 20. 1944

как наши Левые Социалисты-Революционеры умирали на чехо-словацком и других фронтах в рядах Советских войск, вырезывались ярославской и казанской белой гвардией, в то время, как каждый империалист уделял особое внимание преследованию нас, вы,—интернационалисты, тоже безпощадно обрушивались на нас.

Многочисленные массы, идущие за Левыми Социалистами-Революционерами, лишились советских прав; советы и с'езды разгонялись в каждой губернии десятками (Витебская, Смоленская, Воронежская, Курская, Могилевская, Нижегородская и проч. и проч.). Вся советская (а другой тогда еще и не было) крестьянская масса была раздавлена, загнана, затравлена, и поставлена под начало военно-революционных комитетов, исполкомов (назначенных из большевиков-коммунистов) и чрезвычаек.

В чрезвычайках убивали Левых Социалистов-Революционеров (отчеты в «Известиях Ц. И. К.» и «Еженедельнике» чрезвычаек), за отказ подписываться под решением пятого С'езда Советов; убивали просто за то, что они Левые Социалисты-Революционеры и «упорствовали» в этом, не отрекались (циркуляр Петровского об «упорствующих»); убивали, истязали, надругивались. В Котельничах, например, убили только за лево-эсерство двух наших товарищей Махнева и Мисуно (члена крестьянской секции и Ц. И. К. нескольких созывов, члена президиумов нескольких Всероссийских Крестьянских С'ездов). Мы гордились ими. Они были настоящими детьми теперешней народной революции, вышли из недр ея, выпрямились и работали *так*, что о Мисуно по всему краю, где он являлся, ходили легенды. Незаметные герои, на хребте которых мы с вами протащили всю Октябрьскую революцию. Мисуно дорого поплатился перед смертной казнью, за свой отказ большевистским палачам рыть себе своими руками могилу. Махнев согласился рыть себе могилу на условии, что ему дадут говорить перед смертью. Он говорил. Его последние слова были: «Да здравствует мировая социалистическая революция». Тут ваши палачи прикончили его. И сколько их погибших сейчас Мисуно и Махневых по Советской России, безвестных, безымянных, великих в своей стойкости и героизме.

Разгром нашей партии это разгром советской революции. Вся дальнейшая история этих месяцев говорит об этом. А вы так и не поняли этого. Вы отупели до того, что всякие волнения в массах об'ясняете только агитацией или подстрекательством.

Вы перестали быть социалистами в анализе явлений, совершенно уподобляясь царскому правительству, которое тоже всюду искало агитаторов и их деятельностью об'ясняло все волнения. И вы также правы, как оно. Вот что об агитаторах мне пишут крестьяне из всех губерний Советской России: «Ставили нас рядом, дорогая учительница (орфографию вашу исправляю), целую одну треть волости шеренгой и в присутствии других двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети». (Реквизиционный отряд, руководимый большевиками из Совета).

Или из другого письма; «по приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину. Взяли у нас все до чиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить»...

Или из третьяго письма: «Матушка наша, скажи, к кому же теперь пойти, у нас в селе все бедные и голодные, мы плохо сеяли—не было достаточно семян, у нас было три кулака, мы их давно ограбили, у нас нет «буржуазии», у нас надел $^{3}/_{4}$—$^{1}/_{2}$ на душу, прикупленной земли не было, а на нас наложена контрибуция и штраф, мы побили нашего большевика—комиссара, больно он нас обижал. Очень нас пороли, сказать тебе не

можем, как. У кого был партийный билет от коммунистов, тех не секли. Кто теперь за нас заступится. Все сельское общество тебе земно кланяется».

Из четвертого:—«Вязали нас и били, одного никак не могли усмирить, убили его, а он был без ума»...

Из этого же письма: «Оставили нам много листков и брошюр, мы их пожгли, все один обман и лесть».

Из пятого письма:—«В комитеты бедноты приказали набирать из большевиков, а у нас все большевики вышли все негодящие из солдат, отбившиеся, прямо скажем, хуже дерьма. Мы их выгнали. То-то слез было, как они из уезда Красную Армию себе в подмогу звали. Кулаки то откупились, а «крестьянам» спины всем исполосовали и много увезено, в 4-х селах 2—3 человека убито, мужики там взяли большевиков в вилы, их за это постреляли».

Или шестое письмо:—«Прошел слух в уезде, что и ты нас обманываешь, сталкиваешься опять с большевиками, а они тебя за это выпущают. Нет, уж теперь не заманишь к ним. У нас в уезде их, как ветром выдуло, убивать будем, сколько они у нас народу замучили. Максим В... приехал, сказывал, что ты все в тюрьме.. А ты, родименькая, духом не падай, знамя наше крестьянское держи крепче, замаливай за нас, голубушка, сиди твердо. У нас никого нет за «учредилку», будь покойна, мы все за левыми идем».

Или седьмое, от 15-го июня письмо: «1) Григорий Кулаков—отобрано из последних двух пудов, один пуд. Семья 3 человека. 2) Сергей Агашин. Семья 7 человек. Отобрали 5 пудов муки, картофеля 7 пудов. Оставили по пуду того и другого. 3) Солдатка Марфа Степанова. Семья 6 человек. Отобрали всю муку 3 пуда, 1½ пуда солесу, крупы 1½ пуда. 4) Исак Харитонов. Семья 5 человек. Всю муку (купленную) увезли, 8 пуд. 5) Учительница Ульяна Степановна Ходякина. Взяли безплатно гармонию. 6) Деревня Собакино. Трифон Мартянин; отобрали пиджачную пару. 7) Лаврентий Аголов. Семья 7 человек. Взяли 4 пуда и оставили на 2 месяца 3 пуда. 8) Деревня Ильинка. У Алексея Иванова. Отобрали серебрянные часы, ружье пистонное. 9) У Ивана Артемова—месную трость. 10) Федот Зайцев, 8 человек семьи, взято из двух пудов овсяной муки—полтора пуда. Оставили ржаной 30 фунтов. 11) Деревня Телятова, стреляли по ребятишкам, бегущим в лес. Всего не перепишешь. Реквизиционный отряд большевиков при кулачной расправе; если лицо шибко раскровянится, то любезно просят выпить, потом бьют опять».

Или 8-е письмо:—«Разгромили организацию Левых Социалистов Революционеров, хотели поднять на штыки ребенка, только смелым вмешательством женщины, назвавшей его своим, удалось спасти. Берут платье, режут скот, бьют посуду, совершают по всему Каротоякскому уезду всякие неслыханные безчинства. На конференции от 7-ми волостей вынесли месяц назад резолюцию, что мы все согласны отдать, все излишки хлеба, только бы не присылали отряды, а просто несколько человек за хлебом.

Прибывший отряд занялся, вместо честной реквизиции, другим, в чем и подписываемся. (Подписи села Платова, Каротоякского уезда).

Из 9-го письма:—«В комитеты бедноты идут кулаки и самое хулиганье. Катаются на наших лошадях, приказывают по очереди в каждой избе готовить обед, отбирают деньги, делят меж собой и только маленький процент отсылают в Казань, приказали отнимать скот у мужиков. У кого в семье меньше 4-х человек, у тех последнюю корову отобрать.

За овцу 15 руб. налог. Крестьяне режут скот. Через год разорение будет окончательное и непоправимое. Деревня без скота—гиблая».

Из 10-го письма: «Мы не прятали хлеб, мы, как приказали по декрету, себе оставили 9 пудов на год на человека. Прислали декрет—оставить себе 7 пудов, два пуда отдать. Отдали. Пришли большевики с отрядами. Разорили в конец. Поднялись мы. Плохо в Юхновском уезде, побиты артиллерией. Горят селы. Сравняли дома с землей. Мы все отдава-

ли, хотели по хорошему. Знали, город голодный. Себя не жалели. Левые Социалисты-Революционеры все ходили и учили—не прячьте, отдавайте».

Или из одиннадцатого письма (от интеллигента): «реквизиционные отряды, немецкая милиция и пр. начисто загнали трудовых мужиков. Творилось что то невероятное. Грабили, били, *пороли*, насильничали, отбирали все. Всегда вооруженные, пьяные с пулеметами. При мне грабили баб, наведя на них пулеметы, на станции. Отобрали у них ягоды, сыр, сало. Лапали их... Один товарищ и я вмешались, нас чуть не расстреляли. Комиссара станции чуть не избили, пригрозив бумажкой, которая, как они кричали, дает им право «все, что угодно, делать». Бумажка была подписана Цурюпой и еще кем то, чуть ли не самим Лениным. Отряд был из Москвы. Я не склонна очень обвинять рабочих (отряд был из рабочих большевиков), до этого они реквизировали спирт, ну и нализались. Я знаю, что они же могуть быть иными. Характерно, что они при всех этих безобразиях, нечленораздельно ревели: «что!!! контр-революцию завели... нет, шалишь... мы всех вас кулаков... вооо как... к стенке... и готово». Как видите, об'ективно они революционны, только пьяны. Но все же каково было нам—бабам, пасажирам, мужикам. Ведь они вертели во все стороны пулеметы, направляя на всех.

Мужики озлобились. Конечно, правые стали действовать. «Выступление» стало психологически неизбежным. Мужики бегали к нам и спрашивали, что им делать. Наши «левые» «Унас», говорили они, «есть оружие. мы дальше не можем. Иначе крестьяне уйдут без нас все равно и будет хуже им. Скажите, что нам было делать, что сказать. Сказать: подождите, или отойти, мы сказали: «защищайтесь». И через несколько дней я читала в газете, о «лево-эсеровском выступлении кулаков». Я знала, что оно будет подавлено и крестьяне справедливости не найдут. *Все мы знали* и мужики наши. Но чтобы вы сказали: «Идите к Советам»—но ведь от Советов это шло. Ведь у них документы от «самих». Обратиться к «самим». Но ведь Ленин сам в руках у «отрядов». Что было делать. Теперь там крах, террор и подавленность.

Или... Идет уездный с'езд. Председатель, большевик предлагает резолюцию. Крестьянин просит слова.—Зачем.—«Не согласен я».—С чем не согласен.—«А вот, говоришь, комитетам бедноты вся власть, не согласен, вся власть советам, и резолюция твоя не правильная. Нельзя ее голосовать».—Как... Да ведь это правительственной партии.—«Что же, что правительственной»—Председатель вынимает револьвер, убивает наповал крестьянина и заседание продолжается. Голосование было *единогласное*.

У нас зарегистрирована порка крестьян в нескольких губерниях, а количество расстрелов, убийств на свету, на сходах, и в ночной тиши, без суда, в застенках, за «контр-революционные» выступления, за «кулацкие» возстания, при которых села, до 15 тысяч человек, сплошь встают *стеной*. учесть невозможно. Приблизительные цифры перешли давно суммы жертв усмирений в 1905—6 гг.

Кто агитатор, кто подстрекатель?! Отвечайте—Вы контр-революционеры, худшие из худших белогвардейцев!!!

— «Велели нам красноармейцы разойтись. А мы собрались думать, что нам делать, как спастись от разорения. Мы все по закону сполна отвезли на станцию, а они опять приехали. Велели со сходов уйти. Мы их честно стали просить оставить нас. Обед им сготовили, все несем, угощаем, что хотят берут, даем безъ денег, не жалуемся. А они пообедали и начали нас всячески задирать. Одного красноармейца поколотили. Они нас пулеметом, огнем. Убитые повалились...

И вот пошли мужики потом. Шли все 6 волостей *стеной*, на протяжении 25 верст со всех сторон, с плачем, воем жен, матерей, с причитаниями, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на совет».—Пишет левый с.-р., член Крестьянской Секции, избитый в этом «кулацком мятеже» до полусмерти крестьянами и потерявший сына, честного советского

работника. «Он не издал ни одного звука, когда его мужики мучили, мужественно вынес пытку и умер под ней».—Отец не жалуется. Он, этот полуграмотный крестьянин, понимает, что мужики, замученные нуждой (он приводит цифры имущественного положения этого уезда—41% безплощадных и т. д.), «бедные» и отчаянно голодавшие весь 1918—17 год, возмущенные оскорблением их законнейших запросов, *должны* были «восстать». Он понимает, что контр-революцией является не это крестьянское восстание—самозащита, а действия—вызвавшия это возстание и последовавшее жестокое усмерение.

«Не сделали бы такой пропаганды 1000 агитаторов-большевиков, как они сами ухитряются: теперь им к нам не показаться».

Кончаю цитировать, так как из ряда губерний однородные сообщения. Петроградская история с матросами—вопиющий, по безсмысленной жестокости, факт расправы с лойяльным проявлением недовольства трудящихся. Как можно было так ослепнуть и впасть в такую шкурную панику, чтобы так расправляться с чистейшей революционной стихией, внезапно взмывшей? Как поднялась у вас рука на тех матросов, поддержкой которых больше всего мы завоевали октябрьскую революцию? Как могли вы, кричавшие о Керенском, с его смертной казнью на фронте, здесь в тылу убивать без суда и следствия лучших сынов революции? Как не стыдно было вам убить Хаскелиса за то только, что он, по поручению, законно существующей при Петроградском Совете фракции Левых Социалистов-Революционеров, *прочел* ея декларацию. Лживость, инкриминируемого ему вашего обвинения, будто при нем найдена резолюция собрания матросов, написанная его *собственной* рукой, доказывать нет нужды; у Хаскелиса, убитаго вами, *не было обеих рук по плечи*, когда вы его взяли.

Этой крови вам не смыть, не отчиститься от нея, даже во имя самых «высоких» лозунгов.

Вы, которые лицемерно кричите на весь мир в обращении к английским и французским рабочим, что даже пособников заговора англо-французского империализма, если случайно они окажутся рабочими, вы не задержите заложниками, не арестуете, показывая нежелание ваше нарушить неприкосновенность трудящихся, вы убиваете русских трудящихся сотнями, тысячами сразу (Смоленская губерния, Ливны, Вятская губерния, Пензинская и т. д.).

Что-же, или кровь разстрелянного вами в Петрограде матроса Шашкова не такая же алая и не также ли у него *только одна* жизнь?

Несмотря на все трудности жизни, масса, понимая окружающие опасности, умеет терпеть свои неслыханные тяготы. Но, она революционна, она сознала свои права, она хочет самоуправления, она хочет власти советов. Лозунги «кулацких» возстаний (как вы их называете) *не вандейские*, они революционны, социалистичны. Как смеете вы кроваво подавлять эти возстания, вместо удовлетворения законных требований трудящихся?! Вы убиваете крестьян и рабочих, за их требования перевыборов советов, за их защиту себя от ужасающаго, небывалого при царях, произвола ваших застенков-чрезвычаек, за защиту себя от произвола большевиков-назначенцев, от обид и насилий реквизиционных отрядов, *за всякое проявление справедливою, революціонною недовольства.*

И не вина масс, что их требования сходны с нашими лозунгами. Все то, чему мы учили народ десятки лет и чему он кровавым опытом, кажется, научился—*не быть рабом и защищать себя*, вы как будто хотите искоренить из его души истязаниями и расстрелами.

Когда вы увидали, что наша партия жива, что мы не упали на колени и не подали прошения о помиловании, как все эти сутенеры из «Воли Труда» и «Народных Коммунистов», когда вы увидали, что наши массы от нас не ушли, тогда вы начали давить нас всей силой вашего партийного государственного пресса.

Ваши прежние средства—ложь, клевета—перестают быть действительными. «Петроградская конференция Левых-Социалистов Революционеров, вместе с монархистами и правыми эсерами, как говорят «абсолютно проверенные» данныя Зиновьевской чрезвычайки, это уже такая сильная доза даже не лжи, а безграмотного вранья, что уже никто не верит вашим известиям о Левых Социалистах-Революционерах. Из них берут только *факт защиты нами власти советов, которую вы уничтожили, власти трудящихся, с которой вы перестали считаться.*

У вас осталось одно средство—физическое истребление нас и вы его начали применять, устраняя по пути торжествующей контр-революции последнюю силу, на которую могли бы опереться, к которой могли бы кинуться разбитые, разочарованные массы.

И вот уже начались контр-революционные лозунги, в волнениях уже поднимается учредилка, уже приходит этот ужас буржуазно-демократической республики, созданный исключительно вашими руками.

Никогда, никогда Россия, так счастливо ставшая в массовой психологии по пути к примитивам максимализма (а только они правы и логичны, при глубочайшем революционном взрыве), никогда бы она не попала в об'ятия социал-предателей и реакции, если бы не ваша партия.

Ваша партия имела великие задания и начала она славно. Октябрьская революция, в которой мы шли с вами вместе, должна была кончиться победой, так как основания и лозунги ея об'ективно и суб'ективно необходимы в нашей исторической действительности и они были дружно поддержаны всеми трудящимися массами.

Это была действительно революция трудящихся масс и советская власть буквально покоилась в недрах ея. Она была нерушима и *ничто*, никакие заговоры и восстания не могли ее поколебать. Правые эсеры и меньшевики были разбиты на голову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губернские и уездные с'езды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали всюду полное презрение масс к соглашательским партиям правых с.-р. и меньшевиков.

Они погасали в пустоте. Террор против них был излишен. И так было бы до сих пор, если-бы был верен курс вашей политики, если бы вы не изменили принципам социализма и интернационала.

Но ваша политика об'ективно оказалась каким то сплошным надувательством трудящихся.

Вместо социализированной промышленности—государственный капитализм или капиталистическая государственость; принудительно эксплоатационный строй остается, с небольшой разницей на счет распределения прибыли—с небольшой, так как ваше многочисленное чиновничество в этом строю сожрет больше кучки буржуазии.

Вместо утвержденной, при всеобщем ликовании 3-м с'ездом советов рабочих и крестьян, социализации земли, вы устроили саботаж ея, и сейчас, развязав себе руки разрывом с нами, Левыми Социалистами-Революционерами, тайно и явно, обманом и насилием подсовываете крестьянству национализацию земли—то же государственное собственничество, что и в промышленности. Будто нарочно, вы не позволяете крестьянам десятки тысяч десятин помещичьих имений брать в социализацию и сберегаете их «советскими имениями» целехонькими, чтобы, в случае прихода реакции, помещики вошли туда, как в Украине, на готовенькое.

Передвижение земли, передел ея, трансформация всего хозяйства и владения на местах, благодаря вашему саботажу, закона о социализации земли и хитростям с национализацией, чрезвычайно затруднены, и это чревато горькими последствиями для крестьянства.

В вопросе о войне и мире, вы приняли «решение» в подписании брестского мира, который, быть может, уже сделал таки свое—задушил нашу революцию. И вы имеете еще поразительную смелость уверять народ, что ваше соглашательство с германским империализмом—«передышка» дала нам богатые результаты. Что, что она нам дала?!. Извратила нашу революцию и задержала на полгода германскую, ухудшила отношение к нам английских и французских рабочих, когда на западные фронты обрушились все, освобожденные нами, военные силы Германии, что унесло у них сотни тысяч жизней и создало почву и возможность для англо французского правительства вмешаться в наши дела, с негласной нравственной санкцией рабочего народа в большинстве, при вялом протесте меньшинства. Брест отрезал нас от источников экономического питания, от нефти, угля, хлеба, а ведь от этого-то прежде всего и гибнет наша революция.

Брест—это предательство всей окраинной Украинской революции немецкому усмирению. Мы «передыхали» в голоде и холоде, внутренне разлагаясь, пока вырезывались финские рабочие, запарывались белорусские и украинские крестьяне и душились Литва и Латвия. Принцип «передышки» довел разложение ваше до того, что вы, вместе с немецким военным командованием, усмиряли, как Скоропадский, восстающих белоруссов (Сенненский уезд и вся пограничная полоса). И, главное, через Брест мы получили англо-французский фронт, получили весеннюю войну, грозную, неумолимо идущую на нас, со всеми ужасами новой военной техники—ураганного огня и танков, давящих людей тысячами, как козявок. Наша левоэсеровская попытка расторгнуть Брест была отчаянной попыткой апелляции нашего общего октября к революционному моменту истории, но вы безнадежно увязли в своей позорной зависимости, от запугавшего вас германского империализма. Вы способны только апеллировать к материально-техническим моментам. Вы убивали быстро сорганизованные огромные силы армии и революционный энтузиазм на защиту Севера. А Уральский фронт, в период вашего мира—союза с Германией, был неприкрыто империалистическим и, воюя с англичанами, вы объективно воевали за германский империализм. Как не виляйте, но ведь это так.

Вовлеченные в орбиту германской империалистической политики, вы боролись все время с нами, тянувшими вас на юг, так как по *нашему*, только *тал*, и вы теперь увидели сами, *тал* было наше спасение октября, *тал* узел решающего боя за социалистическую революцию. Но вы не могли этого уже понять. Выдача вами нашего золотого запаса Германии, из произведенной нами контр-разведки над Мирбахом, обнаруженная ваша тайная дипломатия, ваши унижения, замазывания, укрывательства всей грязи и контр-революционного германского посольства, в чем теперь немного сознаетесь (Петроград, ящик с Маузерами), все это этапы вашего соглашательства. Теперь вы рекомендуете Кильским матросам и Либкнехту левоэсеровскую тактику отказа от Бреста. Зачем же вы сами ползали на брюхе перед германским империализмом, клеймя теперь выдачу Шейдеманом германского флота, расписываясь этим в *предательстве* своего черноморского. Левые Социалисты-Революционеры, для торжества Интернациональной революции, шли на риск огромных национальных жертв и они имеют право звать на этот же подвиг и Германию. Но при чем тут вы, поступившие так же, как соглашатель Шейдеман, и теперь, во имя своих национальных интересов, требующие от Германии ея национальных жертв.

Ваша армия, конструкция ея, система управления Троцкого, не только введшим, как Керенский, смертную казнь на фронте, но и осуществляющим ее в ужасающих размерах (чего Керенский не успел и попробовать), старая механическая дисциплина в армии, дисциплинарные взыскания, вплоть до п рки солдат социалистической армии, естественно растущая ненависть к верхам и Троцкому, что это все, как не возврат к Николаевским временам, как не подготовка, своими руками, старой армии, что, в свою очередь, обещает легкий путь к диктатуре над ней учредиловцев и

всяких доморощенных Бонапартов? Вы делаете из армии механическую силу, которая должна заменить массы в борьбе с контр-революцией, но армия то набирается ведь из масс, *оттолкнутых вами от революции.*

Своим циничным отношением к власти советов, своими белогвардейскими разгонами с'ездов и советов и безнаказанным произволом назначенцев большевиков, вы поставили себя в лагерь мятежников против советской власти, единственных по силе, в России. Власть советов—это при всей своей хаотичности *большая и лучшая выборность*, чем всякая Учредилка, Думы и Земства. Власть советов—аппарат самоуправления трудовых масс, чутко отражающий их волю, настроения и нужды. И когда каждая фабрика, каждый взвод и село имели право, через перевыборы своего советского делегата, влиять на работу государственного аппарата и защищать себя в общем и частном смысле, то это действительно было самоуправлением. Всякий произвол и насилие, всякие грехи, естественные, при первых попытках массы управлять и управляться, легко излечимы, так как принцип, неограниченный никаким временем выборности *и власти населения над своим избранником.и.* даст возможность исправить своего делегата радикально, заменив его честнейшим и лучшим, известным по всему селу и заводу. И, когда трудовой народ, колотит советского своего делегата за обман и воровство, так этому делегату и надо, хотя-бы он был и большевик и то, что в защиту таких негодяев, вы посылаете на деревню артиллерию, руководясь буржуазным понятием об авторитете власти, доказывает, что вы или не понимаете принципа власти трудящихся, или не признаете его. И когда мужик разгоняет или убивает насильников-назначенцев—это-то и есть красный террор, народная самозащита от нарушения их прав, от гнета и насилия. И если масса данного села или фабрики посылает правого социалиста, пусть посылает—это ея право, а наша беда, что мы не сумели заслужить ея доверия. Для того, чтобы советская власть была барометрична, чутка и спаяна с народом, нужна безпредельная свобода выборов, игра стихий народных, и тогда-то и родится творчество, новая жизнь, живое устроение и борьба. И только тогда массы будут чувствовать, что все происходящее—их дело, а не чужое. Что она сама творец своей судьбы, а не кто то ее опекает и благотворит и адвокатит за нее, как в Учредилке и других парламентарных учреждениях, и только тогда она будет способна к безграничному подвигу. Поэтому мы боролись с вами, когда вы выгоняли правых социалистов из советов и Ц. И. К. Советы не только боевая политико-экономическая организация трудящихся, они и определенная платформа. Платформа уничтожения всех основ буржуазно-крепостнического строя и если бы правые делегаты пытались его сохранить или защищать в советах, сама природа данной организации сломила бы их, или народ выбросил.бы их сам, сам, а не ваши чрезвычайки, как предателей его интересов.

Программа октябрьской революции, как она схематически наметилась в сознании трудящихся жива в их душах до сих пор и не масса изменяет себе, а *ей изменяют.* Неуважение к избранию трудящимися своих делегатов и советских работников, обнаруживаемое грубейшим пулеметным произволом, который был и до июльской реакции, когда вы уже часто репетировали разгоны с'ездов советов, видя наше усиление,—даст богатые плоды правым партиям. Вы настолько приучили народ к безправию, создали такие навыки безропотного подчинения всяким налетам, что авксентьевская американская красновская диктатура могут пройти, как по маслу. Вместо свободного, переливающегося, как свет, как воздух, как вода, творчества народного, через смену, борьбу в советах и на с'ездах, у вас—назначенцы, пристава и жандармы из коммунистической партии.

О, какие вы злостные, злостные предатели коммунистической революции!..

Ну как, как теперь приходить к трудящимся с проповедью классовой власти? Они спросят: «какого класса?»—Ваши продетки с крестьянством

с комитетами бедноты... Теперь вы приняли в этой области на словах все наше, на чем мы и жизнь настаивали, но ведь пять месяцев вы мучили мужиков, пока не отказались от этих своих затей создать, из преданных вам, закупленных пятидесятью процентами отнятого хлеба, кучек вашего класса, на всю крестьянскую Россию, что то вроде корпуса жандармов. Рабоче-крестьянское правительство гарантирует себе подчинение, беря от них подписку-присягу. Какое злое извращение классовой власти!

Ваши политические локауты рабочих становятся системой. За что вы распускали курские ж.-д. мастерские, упорно выбирающие меня своим советским делегатом.

А ваше потакательство корыстности и продажности и карьеризму, § 16-ый, * эти карточки на обувь, калоши, теплые квартиры и проч. и проч., выдаваемые, в первую очередь большевикам, бесстыдное печатание об этом в «Правде» и «Известиях Ц. И. К.»... («Очищается дом такой-то, в *первую* очередь помещаются рабочие-коммунисты»).

Это выселение рабочего меньшевика и вселение рабочего большевика на жилое место, это ли означает классовую власть?

Увольнение многосемейного рабочего, левого с.-р. и прием, на его место, холостого коммуниста... Эти расстрелы рабочих и порки, и убийства крестьян и солдат, это ли означает классовую власть? «Если мы пошлем в совет честного мужика, сочувствующего Левым Социалистам-Революционерам, то у нас ни ссуды на инвентарь, ни обсеменения; мы всегда посылаем в совет большевика, хотя мы им все «моргуем» (презираем, буквально «брезгуем»), пишет крестьянин, «через большевика, что нибудь все таки достанем от исполкома».

Такая подмена интересов трудящихся, интересами тех, кто согласен голосовать за вашу партию, создание какого то римского плебса, ведет, конечно, к разложению живых творческих сил революции. Массы то все видят, все понимают, лучше нас видят, и никогда еще все общественные силы не были так истощены, никогда не господствовал в такой степени мещанский эгоизм, самоспасение, дух корыстной наживы, спекуляции, обходы законов, ограждающих личность и задерживающих эксплоатацию одного человека другим, как сейчас, при вашем партийном сектантстве. Понятие классовой борьбы, этой философско-исторической доктрины, вы подменили не только марксистским понятием, только борьбы двух экономических категорий, а подменили-понятием борьбы просто волчьей.

Рабочие идут на крестьян, чтобы не умереть с голоду, отнимая у них последние куски хлеба; так как территория нашего теперешняго социалистического оазиса никогда не была хлебной житницей и решение продовольственного вопроса, при наличии всех пагубных следствий войны, внутри острова невозможно, о чем Левые Социалисты-Революционеры говорили достаточно громко. Посеяна огромная рознь между родными братьями земледельцами и заводскими и не скоро она уйдет.

Классовая борьба в национальном масштабе утопия, господа, брестские националисты, она мыслима только в интернациональном маштабе; а при спасении себя, при своеобразном социалистическом шовинизме, классовая борьба вырождается, как выродилась у вас.

Посеяна между-национальная рознь, проведением продовольственной диктатуры, через немецкую милицию. Отряды немецких военнопленных (интернационалистов, прибавляете вы) действовали наряду с другими реквизиционными отрядами. Я знаю о пензенской губернии.

В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали и все, что полагается, они приняли в положенной форме и установленном порядке. Сначала их реквизировали, пороли и расстреливали, потом они вставали стеной (кулацкое восстание-говорили вы), потом их усмиряли, опять пороли и расстреливали. Наши Левые Социалисты Революционеры разговари-

* по § 16-му записываются сочувствующие коммунисты.

вали с десятками этих поровших крестьян «интернационалистов». С каким презрением говорили они о глупости русского мужика и о том, что ему нужна палка и какой дикий шовинизм вызвали эти отряды «интернационалистов» в деревнях—передать трудно. История с «комбедами» еще долго не изживется.

И нам ли учить вас, что не только фактор политический, да еще сведшийся уже только к голому принуждению, насилию, создает расслоение класса. Процесс расслоения имеет свою хозяйственную, свою культурную, свою политически-правовую основу.

Только так понимая принцип расслоения действовала всю зиму и весну Крестьянская секция, через своих агитаторов и членов, и результаты были сплошь положительные.

Борьба с кулаками и экономическое обезвреживание их давали средства культурно-хозяйственного устроения целых уездов. Ведь ваша партдавая на один день октябрьских торжеств 25 миллионов, мне же, на организации политико-социального просвещения крестьянства, за все 8 месяцев, вместо нужных сотен миллионов, дала только 3 миллиона, и оно вынуждено было устраиваться само в своих селах и деревнях, без помощи государства.

Вся ваша зверская, грубая политика по отношению к крестьянству, особенно развернувшаяся, когда мы стали тюремной, чрезвычайской клиентурой—*это политика подлинной контр-революции*. А ваша полиция!.. Это сколок старых городовых с околодочными и избиением даже детей-вершек.

А ваша чрезвычайка! Именем пролетариата, именем крестьянства вы свели к нулю все моральные завоевания нашей революции. Когда в вашей собственной среде раздалось робкое пиканье, осмеливающееся возразить против ея разгула и пробующее добиться неприкосновенности личности, хотя-бы для членов комитетов коммунистической партии и членов Ц. И. К., то вы стали доказывать, что в чрезвычайках нет сомнительных элементов—все сплошь коммунисты, тем хуже для вас и для чрезвычайки. Мы знаем про них, про В. Ч. К., про губернские и уездные чрезвычайки вопиющие, неслыханно вопиющие, факты. Факты надругательства над душой и телом человека, истязаний, обманов, все-пожирающей взятки, голого грабежа и убийств, убийств без счета, без расследований, по одному слову, доносу, оговору, ничем не доказанному, никем не подтвержденному. Именем рабочего класса, творятся неслыханные мерзости над теми же рабочими, крестьянами, матросами и запуганным обывателем, так как *настоящие* то враги рабочего класса чрезвычайке попадаются очень *редко*. Ваши контр-революционные заговоры, кому бы они могли быть страшны, *если бы вы сами так жутко не породнились с контр-революцией?* Когда советская власть из большевиков, Левых Социалистов Революционеров и других партий покоилась в недрах народных, Дзержинский за все время расстрелял только несколько невероятных грабителей и убийц и с каким мертвенным лицом, с какой мукой колебанья. А когда Советская власть стала не Советской, а только большевистской, когда все уже и уже становилась ея социальная база, ея политическое влияние, то понадобилась усиленная бдительная охрана латышей Ленину, как раньше из казаков царю, или султану из янычар. Понадобился, так называемый, красный террор. Те самые люди, которые за бесмерное страданье *всего* народа и нас, социалистов, из политических соображений не поднимали руку на Николая Романова и прочих царей и подцарей, и распустили их по всем украйнам, крымам и заграницам, и подняли руку на Николая только по настоянию революционеров, те самые люди сразу, утеряв всякое соображение, за поранение левого предплечия Ленина, убили тысячи людей. Убили в истерике (сами признают), без суда и следствия, без справок, без подобия какого-либо юридического, не говоря уже нравственного, смысла. Да, Ленин спасен, в другой раз ничья одинокая, фанатичная рука не поднимется на него. Но именно тогда отлетел последний живой дух от револю-

ции, возглавляемой большевиками. Она еще не умерла; но она уже *не ваша, не вами творима*. Вы теперь только ея гасители. И лучше было бы Ленину тревожней жить, но сберечь этот дух живой. И неужели, неужели Вы, Владимир Ильич, с вашим огромным умом и личной без'эгоистичностью и добротой, не могли догадаться не убивать Каплан. Как это было-бы не только красиво и благородно и не по царскому шаблону, как это было-бы *нужно* нашей революции, в это время нашей всеобщей оголтелости, остервенения, когда раздается только щелканье зубами, вой боли, злобы или страха и... ни одного звука, ни одного аккорда любви.

Когда были первые единичные случаи расстрелов в чрезвычайках, Дзержинский ломал голову над решением задачи, как оградить Питер, потом Москву от диких грабежей и не быть палачем, убегал мертвенно бледный Александрович, умоляя взять его из чрезвычайки сегодня, сейчас.

Пил запоем матрос Емельянов, говоря: «убейте меня, начал пить, не могу, там убийства, увольте меня из чрезвычайки, я не могу»... Вот обстановка первых попыток террористических действий. Так как Левые Социалисты-Революционеры в чрезвычайской «тройке» голосовали против расстрелов, то им было предложено уйти оттуда, так и было сделано.

Но, как и во французском терроре, трудно было только начало, так и в России то, во что развернулась большевистская чрезвычайка, превзошло все бывшие у нас опасения.

Эти ночные убийства связанных, безоружных, обезвреженных людей втихомолку, в затылок из нагана на Ходынке, с зарыванием, тут же ограбленного (часто до нага), трупа, не всегда добитого, стонущего на этой же Ходынке, в одной яме многих, не могут называться террором. Какой это террор!...

С этим словом связано на протяжении русской революционной истории не только понятие возмездия или устрашения—это в нем последнее дело—и не только желание или необходимость физического устранения какого-нибудь народного палача. Первым и *определяющим* его элементом является элемент протеста против гнета и насилия, и элемент—(путем психического давления на впечатлительность)—пробуждения чести и достоинства в душе затоптанных трудящихся, и совести в душе тех, кто молчит, глядя на эту затоптанность. Это средство агитации и пропаганды действием, наглядное обучение масс. *Так именно, не боясь никаких последствий, безтрепетно и гордо бить по своему врагу.*

Акт над германским послом Мирбахом в Советской России и германским генералом Эйхгорном на Украйне имели прежде всего это предназначение.

И почти неразрывно с террором связана жертва жизнью, свободой и пр. для нападающей страны. И, кажется, только в этом и есть оправдание террористического акта.

Где все эти элементы в чрезвычайках?!!. Переписка в газетах идеологов чрезвычаек свидетельствует о невероятном умственном и нравственном их убожестве; страстность же защиты полной своей самостоятельности чревата самыми интересными осложнениями, для самой вашей коммунистической партии. Вы скоро окажетесь в руках вашей чрезвычайки, вы, пожалуй, *уже* в ея руках. Туда вам и дорога. Но, бешенно защищая себя через этот орган, *себя*, а не рабочий класс, не смейте говорить при этом от имени пролетариата и крестьянства, от имени которого вы скоро будете иметь столько же права говорить, как Авксентьев или Скоропадский. Революция, хотя вы и выдаете мандаты на участие в ней, подобно мандатам на получение калош, не может быть вашей монополией, она пошла вглубь и помимо вас. И, если еще сможет осилить вашу и психологическую в себе из-за *вас* реакцию, она найдет свои способы самозащиты и очистит, запачканные вами и правыми социалистами, социалистические знамена. Сама сущность восстания масс предрешает в себе самой совершенно иные законы борьбы, чем те, что вы ей подсунули.

Пользование робеспьеровскими фразами из времен французской революции бывшей полтораста лет тому назад, в совершенно иной обстановке—и аргумент и не оправдание, но Робеспьер также подкосил и жестоко повре, дил, своим террором, французской революции, как вы русской. А как, за эту своеобразно понимаемую диктатуру, будут расплачиваться своею жизнью и честью не вы, а пролетариат и крестьянство, воображение отказывается представлять. Если временно победит Учредилка и начнется террор социал-предателей и буржуазии, что, что, кроме мольбы о пощаде, может противопоставить давящей силе реакции, разбитый и связанный пролетариат. К чему, к каким абсолютам, к каким идеям морали и человечности может он аппелировать; ему скажут те же грубо мстительные, шкурно хамские, торжествующие слова, которые говорите вы,—*вы*, а не пролетариат, в ваших газетах и на митингах, когда берет ваша физическая сила. И при временном (потому что революция все же победит) торжестве своем, враги трудящихся вернут пролетариату *все* сторицею, беря, санкцию на это не только из своей жестокости, но и из ваших примеров, все вернут в сгущенном и усиленном размере, и то, что вы расстреливали 150 человек *за одного* члена чрезвычайки и прочие многие ваши подвиги „морального дерзания".

Рабочий класс до сих пор творил свою революцию под чистым красным знаменем от его *собственной* крови, и в этом был великий моральный авторитет его революции, неугасаемая светоносность его борьбы и страданий за свои лучшие идеи человечества. Сама революция, взятая вне ее временных текущих изменений, в существе своем, есть великое светлое преображение жизни, очищение, под'ем, освящение ея.

Рабочий класс должен запретить вам спекулировать его именем, прикрывая, великим, святым понятием диктатуры пролетариата, эти мастерства красного цеха. Рабочий класс и крестьянство должны сказать свое слово: «Долой Чрезвычайки»—и они не только скажут, они разгромят их. Социализм должен осуществиться, так как этого требуют интересы огромного большинства трудящихся, так как капиталистическое развитие подготовило почву и укрепило класс, непосредственно заинтересованный в социализме,—он *должен быть*, как неизбежный результат всей теперешней исторической катастрофы. Это научное основание социалистической веры не может быть поколебимо никакими неудачами, но она имеет и идеалистические, иррациональные корни. Вера в социализм, есть вместе с тем вера в лучшее будущее человечества, в добро, правду, и красоту, в прекращение всех форм гнета и насилия, в осуществление братства и равенства на земле.

И вот, *по этой* вере, как никогда еще не бывало, ярко разгоревшейся огненным светочем в душе народа, вы ударили в корень, будто плюнули в детскую душу.

Что, что сделали вы с нашей великой революцией, освященной такими невероятными страданиями трудящихся?!!

Я спрашиваю вас, я спрашиваю...

Что сделали вы с той безграничной верой трудящихся в вас, которой вы, в союзе с нами счастливо обладали в такой мере, как, кажется, ни одно правительство на свете. Вспомните 3 ий с'езд советов, после, казавшагося вам рискованным, разгона учредительного собрания. Трудящиеся отбросили жалкие опыты парламентаризма, с величавым спокойствием верующего. Они отдались нам, как дитя—матери.

Среди вас есть крупные дарования и рядовые работники светлой убежденности и идейности и все же вы устроили, что то, вроде, единственной в мире, провокации, над психологией масс, сделали ядовитую прививку в громадном маштабе, со имя идеи социализма—прививку отвращения, недоверия и ужаса пред этим социализмом-коммунизмом. За тот кусочек правды, что вы показали народу и помогли осуществить, вы превысили свое значение, потребовали себе, как великий инквизитор, полного господ-

ства над душой и телом трудящихся. А когда они стали сбрасывать вас, вы сдавили их застенками, для борьбы с «контр-революцией».

Но ведь до сих пор еще в ваших руках множество средств усмирения недовольства трудящихся. Единая трудовая школа, социализация домов, национализация торговли, каждая из этих реформ—грандиозный фактор в социальной жизни, продолжение октября. Трудовые массы почти никогда не бывают контр-революционны. Они только бывают голодны или обижены. И сейчас они сумели бы героически голодать и холодать и терпеть еще большие ужасы империалистической и белогвардейской блокады, дотягивая до более светлых дней, если бы и иррациональные корни их движения брались в учет.

Особенно это чувствовалось после октября. Сокрушительные выступления рискованных народных стихий ломали все преграды государственности, в освободительном движении трудящихся действительно слышались «голоса» почти из наличного «древняго хаоса», вскрывались, как и во всем мире вскрываются, подземные родники, в огне восстания сбнажались глубочайшие истоки народной психологии, искания удовлетворения не только брюха, на чем вы все строите, своеобразные метафизические абсолютисты. И, как всегда, в эпохи катастрофических переворотов и напряженности мирового страдания, начинают действовать самые глубские и основные тенденции исторических процессов, а они (быть может и вы теперь это увидали) не покрываются формулой вашего экономического материализма.

Поистине у нас началось новое рождение человечества, в силе и свободе. *И трудящиеся будут и хотят терпеть все муки брюха, отстаивая правду, ожидая ея засияния.* Перед нами открылись безпредельные возможности, свет которых не могли сбтускнить ни вспышки красного террора, исходящие от самих трудящихся, ни темные стороны их погромных проявлений. И, конечно, в этот пафос освобождения, в этот энтузиазм нашей революционной эпохи, нельзя было вносить ваш догматизм, диктаторский централизм, недоверие к творчеству масс, фанатичную узкую партийность, *сиволюбленное отлежевание* от *всего мозга страны*, нельзя было вносить, вместо любви и уважения к массам, только демагогию и главное нельзя было вносить в это великое и, граничищее с чудом, движение психологию эмигрантов, а не творцов нового мира.

Наша партия была с вами в блоке—союзе и шла вместе с октября до тех пор, пока вы были в союзе с заветами октябрьской революции и трудящимися. А когда начался у вас новый курс политики внешней и внутренней, партия наша все дальше отходила от вас. Вы не должны говорить об обмане и вероломстве. Наш партийный центр был вне всякой связи с вами уже с марта месяца, после Бреста. Единственным связующим звеном была я, но и я, уходя от вас позже других, сказала некоторым вашим совершенно определенно, что я теперь не с вами, а за крестьянство поднимаю бой.

Но шестое июля не было против вас, вы это также хорошо знаете, как и мы, оно было последовательным проведением занятой партией позиции, вытекающей из всей тактики партии и учения ея, о праве революционнаго меньшинства. Вашей, позорящей вас, ошибкой являлось смешение небольшого опыта восстания против германского империализма с, якобы, нашим намерением свергнуть вас... Излишнее отождествление себя с германским посольством.

Уйдя от вас, партия только глубже и больше спаялась с революцией и трудящимися, а когда началась дикая правительственная реакция в июле, то партия почти растворилась в массах.

В промежутке между каторгой и вашей тюрьмой, я собирала (особенно с октября прошлого года) данные партийного состава крестьянства. В Крестьянскую Секцию ежедневно ко мне приходило 30, 40, 50 человек крестьян, я собирала сведения, кроме них, также по всем своим фракциям

Всероссийских С'ездов Советов, по всем фракциям и большевиков и Левых Социалистов-Революционеров Всероссийских Крестьянских С'ездов. И я отметила, что крестьяне левые эсеры экономически несравненно обездоленнее вашего крестьянства. Все кулаки и подкулаки назывались большевиками. Это и понятно, сила тянет к силе или пристраивается возле нея. А за левыми эсерами, кроме совсем бедных и средних, сплошь идут все сектанты, целыми селами. Так, из Воронежской губернии, из Тверской, из Ставропольской, Кубанской области, Кавказа и т. д. Это глубоко симптоматичный факт.

Все реальное содержание истории и социальных переворотов человечества составляет борьба за свободу Человеческой Личности: и недаром, те из народа, кто крестным путем отстаивал свободу своей совести и личности, являются активными участниками теперешней революции и идут именно *за нашей партией*.

Эту партию вы думаете убить всеми вашими способами и расчитываете успеть в этом. Только за то, что мы иначе мыслим, что отвергаем принудительный набор масс в коммунистическую партию и отстаиваем *их право на инакомыслие*, только за это, вы не даете нам работать для революции, арестовываете, говоряших с трудящимся, наших ораторов (даже в октябрьские торжества), избиваете и пытаете в Смоленской и пограничных чрезвычайках; где большевики работают в сотрудничестве *с нем.цкими и скоропадскими шпионами* (А вы покрываете это, отказываясь взять от нас об этом сведения и доказательства, когда мы, несмотря ни на что, все же приходим к вам с ними).

Пусть идет контр-революция, пусть блокада сомкнет свое кольцо, пусть приходит Краснов и Авксентьев, что вам до этого? Вы будете сводить партийные счеты, будете суживать и суживать «своих», будете искать все более благонадежных «в вашем смысле» и уничтожать все независимое от вашего морального отупения, но кровно слитое и спаянное с интересами социалистической революции и трудящихся. На радость контр-революционной сволочи, вы последнюю энергию отдаете на нас, а не на нее. Вот сейчас вы разоружаете, на глазах организовавшейся и выступившей белой гвардии в Луге, партизанский отряд Лево-Эсеровских крестьян в Великих Луках и предаете их, таким образом, в руки помещичье-буржуазной своры

Вот сейчас вы, быт может, совсем накануне тяжких или наоборот умопомрачительно радостных событий на Востоке, Западе, Севере, Юге, Англии, Франции, и т. д., в порядке дня поставили вопрос о суде, над Ц. К. партии Левых Социалистов-Революционеров и надо мною.

Теперь я не хочу его даже и для кафедры.

За это время вы развернулись в полной силе и отчетливости. Суда вашей партии над своею и над собою я не признаю. Если нужно нам судиться, то должен судить нас Третий Интернационал и история и теперь уже не сомневаться, кто тогда будет обвиняем, кто осужден, кто оправдан.

Ваш суд составлен из партийных людей. Он должен, во имя партийной дисциплины, подтвердить то, что было уже решено вашей партией еще в июле. В течение этих месяцев, с нашей партией, во исполнение этого решения, расправлялись, применяя все, вплоть до смертной казни, за «мятеж», за «заговор», за «позицию Ц. К.», за отказ отречься от нея, *хотя судом не было еще установлено, был ли этот мятеж и заговор и в чем именно состоит эта позиция, за которую нашим Мисуно приказывают рыть себе могилу перед смертью.* Если революционный трибунал устансвит в этой «позиции Ц. К.» отсутствие мятежа и заговора о свержении вас, то он же этим выносит осуждение своему Ц. К. Скорее реки потекут вспять, чем это может случиться.

Мы то знаем хорошо, что вы можете сделать во имя партийной дисциплины. Мы знаем, что у вас *все* дозволено, во имя ея. Партийная дисциплина позволила нас осудить и держать на положении вне закона. Поз-

волены тайные убийства нас, так, одного нашего Левого Социалиста Революционера, видного работника, подстерегают один ваш агент В. Ч. К.; ему дано разрешение не арестовывать, а просто „убрать". Мне тонко намекали, через Устинова, что если меня выпустят, то меня же „может расстрелять чрезвычайка" и зондировали, не соглашусь ли я отказаться от политической деятельности.

Чудовищно, но факт.

Позволена провокация. Александрович, незадолго до своей казни вами, провалил, всеми мобилизованными голосами Левых Эсеров, поставленный вопрос о провокации у правых эсеров и меньшевиков. Без нас, конечно, у вас этот позор, несмываемый позор Советской России, введен в употребление. Стоит ли говорить еще, *на что* вы способны, подчиняясь мертвой дисциплине.

Нечего, конечно, сомневаться в дисциплинированности большевиков, революционного трибунала, вопреки всякой логике, истине и доказательствам.

Должно придти время и, быть может, оно не за горами, когда в вашей партии поднимется протест, против удушающей живой дух в революции и вашей партии политики. Должны придти идейные массовики, в духе которых свежи заветы нашей социалистической революции, должна быть борьба внутри партии, как было у нас с эсерами правыми и центра, должен быть взрыв и свержение заправил, разложившихся, зарвавшихся, в своей безконтрольной власти, властвовании; должно быть очищение и пересмотр и подъем. Должно быть возсождение партии большевиков, отказ от губительных теперешних форм и смысла царистско-буржуазной политики, должен быть возврат к власти советов, к Октябрю.

И, я знаю, с такой партией большевиков, мы опять безоговорочно и беззаветно пойдем рядом рука об руку. А сейчас лучше убивайте нас и держите в тюрмах, чем иметь наш штемпель и подпись, под директивами расстрела крестьян и рабочих и разгрома всех деревень до основания. Судите и карайте, как судите и караете десятки тысяч трудящихся.

Ваш суд над нашей партией сималичен. Он логически доводит близко к концу то разложение, до которого дошла партия большевиков Ведь только фракционной извращенностью и дисциплинированностью членов партии можно об'яснить, что вы сами это дело не снимаете, а все таки довели его до фикции суда, наложения штемпеля на все, проделанное с нами за эти 5 месяцев.

А так как у нас не было и не будет основания отрекаться от сделанного, и так как *я то знаю*, что (независимо от того, хорошо ли это или дурно) мы не свергали в июле большевиков, и что наше намерение было только—террористический акт международного значения, акт протеста на весь мир, против удушения нашей революции, так как *я то знаю*, что был не мятеж, а самозащита, на половину стихийная, от расправы, ослепших от гнева за Мирбаха, большевиков, что было только вооруженное сопротивление революционеров, при правительственном аресте, и т. к. ваш партийно-дисциплинированный суд *должен все.му это.му не поверить*, то для чего же мне участвовать, в затеваемой вами, судебной комедии? Для чего своим участием в ней санкционировать право вашей партии судить и наказывать нас, санкционировать шарлатанскую имитацию вашего Шемякина суда, под суд народной совести и чести, чем должен был бы быть революционный трибунал.

Кодексом Советских Законов случаев террора против агентов империализма не предусматривается. По смыслу вашей революции и должен был бы разрешить таковой террор, По смыслу нашей революции выходит, если на тебя нападает *кто бы то ни было* и берет тебя за горло, то, если ты не овца и не слякоть,—защищайся—защищай свою жизнь и свободу и жизнь и свободу своих товарищей.

И в этом отношении революционный суд теперешней эпохи, переоценивающий все буржуазно-государственно-правовые ценности, должен был бы разрешить наше революционное, вооруженное сопротивление вашему Ц. К., в лице Ладжинского, заявившего нам,—«за голову Мирбаха, расстреливались Ц. К.

Духом революции, над которой вы уже не хозяева, мы вряд ли были бы посажены на скамью подсудимых.

Обвинение Ц. К. Левых Социалистов-Революционеров в попытке вовведения в войну путем акта—не основательно. Акт является первым случаем в целой серии такого рода выступлений, началом острой кампании, долженствующей привести к поставленной партией, при расторжении Брестского договора.

Какую бы возможность вы ни нашли поставить меня под ваш суд, все равно—заставить меня участвовать в нем вы не сможете, даже ваша Чрезвычайка окажется здесь бессильной. Слишком долго была я на самом дне жизни, слишком сильно всеми помыслами и сердцем люблю революцию, чтобы бояться каких либо испытаний и смерти: «на прицел», под который пять, шесть раз брала меня здесь в Кремле ваша стража, для ради забавы. И только убийством вы можете меня изъять из революции, меня и агитацию: *Она наша и мы ея.* Как у евреев нет другого дома, кроме того, где они родились, где они живут и работают, так и у нас, вне социалистической революции, нет места. И как евреев заплевывали, преследовали, так делаете вы с нами. И как может иногда запутываться чувства, их бытия и достоинства и их прав от утомления и гонений, так было в июле со многими из нашей партии. Но как, в то же время, в душах евреев подготовилась «будущность человечества», так и в нашей партии зреет сила революционно-социалистического возрождения.

Наша партия Левых Социалистов-Революционеров интернационалистов, единственно последовательная и стойкая интернационалистическая партия. Партия крестьян и рабочих, партия власти советов, свободно выбранных трудящихся. Партия непримиримой борьбы с богачами и угнетателями всех стран, партия не запятнавшая себя соглашательством ни с какой буржуазией, ни с каким империализмом, не загрязнившая своих рук, использованием старого аппарата сыска и насилия буржуазной государственности, партия светлой, могучей веры в социализм и Интернационал, имеет огромное будущее.

Истребить ее невозможно ни вам, ни временной реакции, так как и она и ея идеи живут в массах, коренятся в глубинах их психологии и революционное мировое возрождение всего человечества неминуемо произойдет под знаком ея Идеи, Идеи освобождения Человеческой Личности

М Спиридонова.

Кремль.
1918. Ноября

Харьковъ, Типографія Укр. Партіи Лѣвыхъ Соціалистовъ-Революціон.